

13 МАР 1980

РАМНА

10 марта в театре юного зрителя состоялся вечер, посвященный 50-летию и 30-летию творческой деятельности актера ТЮЗа А. Р. ПАЛЕЕСА.

чили они в те годы. Михаил Зимин в декабрьскую стужу пришел в училище в шинели с чужого плеча и брезентовых тапочках. Ему (да разве только ему!) помогали, поддерживали веру в предназначение артиста. А самое главное — их мудро учили труду.

Специально не говорю здесь отдельно о А. Палеесе, потому что начало, актерская юность счастливы слились у него в общую училищную спайку. Из нее и вышло поколение артистов: Е. Евстигнеев, М. Зимин, А. Белокринкин, Л. Хитяева, В. Вихров, А. Палеес и их товарищи. По-разному сложилась их актерская судьба. Но есть

чиналось что-то невероятное, похожее разве только на кадрили. Начинаясь игра. В Труффальдино было столько безудержного темперамента, столько искрящегося добродушия, что нельзя было, глядя на него, не хохотать.

Чаще всего таким А. Палеес запоминался, и надолго. Это его актерская черта — безошибочное чувство комического, летящий темперамент и упоение игрой.

Многие годы мы знали А. Палееса таким. И даже, когда он играл любимейшего своего героя — Пушкина, еще мальчика, подростка, в спектакле «Когда в садах лицея»,

данье, предчувствие этого мгновения. Все предыдущее, как жизнь для этой минуты упоения, радости, рождения на наших глазах поэтического слова.

И во многих недавних работах мы молниеносно узнаем А. Палееса: радость непосредственной отдачи себя роли, темперамент. Но жизненная наполненность этих ролей иная. Вот Мальволио из «Двенадцатой ночи» — работа одна из интереснейших в сегодняшнем шекспировском репертуаре, в нашем театре вообще. Сколько здесь игры — и «ходящие ходуном и колесом» ноги Мальволио на вечеринке у

дене («Мещанин во дворянстве» по Мольеру) А. Палеес тоже сумел разглядеть за восхищающим Журдена процессом приобщения его к святым — храму знания и искусства (сыграно это виртуозно и смешно) и физиономию добродушно-наивного человека, и тупость мещанина с его главной жизненной мечтой-идеей. Она так похожа на заветные мысли безымянного Петра Ивановича Бобчинского: пусть узнают вельможи разные, что живет на свете господин Журден.

В «Трех сестрах» А. Палеес играет Чебутыкина. Степенный, медлительный ритм, толь-

стеклянный взгляд. В финале спектакля от Чебутыкина словно осталась одна оболочка. Все мертво, вся прожитая жизнь — пепел.

Так, может быть, не по-чеховски жестко играет своего героя А. Палеес. Но другая чеховская мысль выявлена точно и обостренно: как зависимы, люди — и молодые, и пожилые в особенности — от того, что вокруг нас, чем наполнена жизнь наших близких и родных.

У А. Палееса много удачных ролей, сыгранных в последнее время. Но закончить эти заметки хотелось именно ролью Чебутыкина. Не только

АПЛОДИСМЕНТЫ

ЖИВОЕ ДЫХАНИЕ РОЛИ

ГОВОРЯТ сегодня о том, что актер теряет ощущение театра как дома родного. Вот чего уж не скажешь о А. Палеесе! Можно вспомнить, что после окончания театрального училища он работал только в одном театре — Горьковском ТЮЗе, хотя были более заманчивые приглашения в Москву, Ленинград... А как соблазнительна пишущему об актере история его творческих работ: начал он с ролей детей — юных героев пьес Розова, пьес, имевших шумный и оправданный успех. А потом герои Палееса росли, как это бывает в хорошей семье, учились, приобретали профессии, становились папами и, наконец, в последних спектаклях даже дедушками. Поневоле хочется назвать сценические подмостки ТЮЗа для А. Палееса родным домом.

Как и с чего начался театр для А. Палееса?

В театр они пришли вместе. Это были мальчишки и девочки одного возраста, одних и тех же испытаний, которые принесла с собой война. В первые послевоенные годы их собрали в стенах Горьковского театрального училища мудрые и чуткие люди — их педагоги. И вот здесь начинается история, которую я слышал много раз от разных людей. История эта необыкновенно дорога ее участникам, и к нам она дошла прежде всего как их эмоциональная память. Сколько упоения и веры в могущество театра! А сколько уроков товарищества, самоотверженности полу-

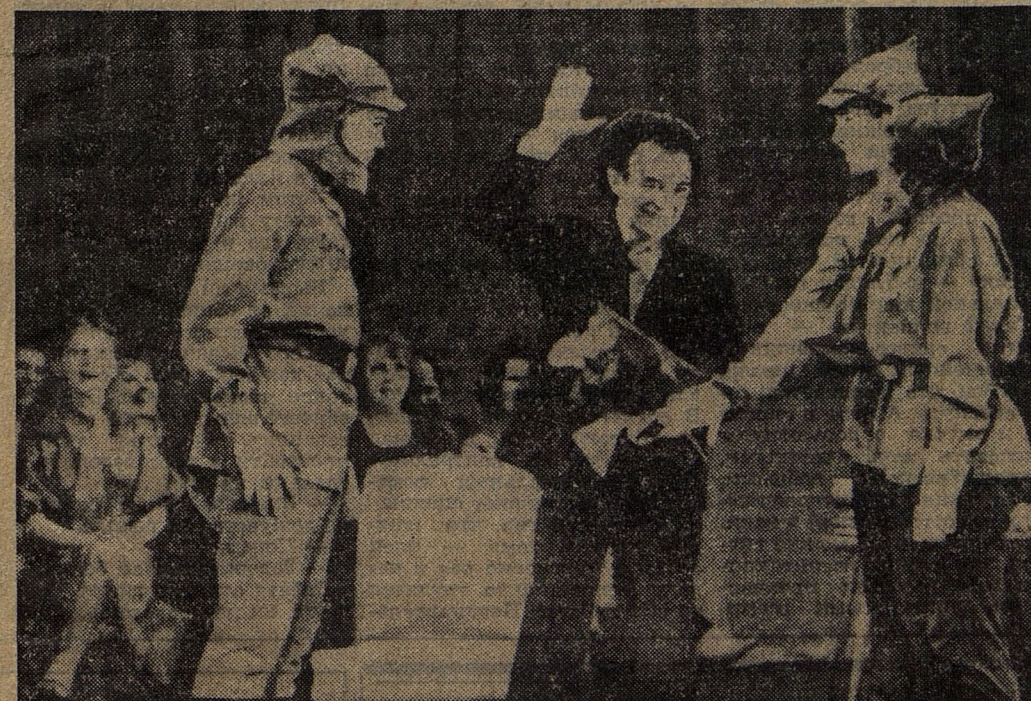
такой закон: человек особенно интенсивно формируется, набирает «багаж» для своей будущей жизни именно в юные годы.

Один молодой артист ТЮЗа жаловался как-то, что режиссер, репетируя, не увлекает его, не создает соответствующей атмосферы. Уверен, что таких слов никогда никто не слышал и не услышит от А. Палееса и его товарищей. Они сами всегда готовы работать самоотверженно. Невыгрышная роль, не устраивает решение, не устраивается спектакль — будьте уверены, при всех этих ситуациях А. Палеес будет работать изо всех сил. За тридцать лет своей актерской деятельности А. Палеес сыграл сотни ролей в театре, добавьте к этому съемки в кино и телефильмах, многие годы интересного сотрудничества в детских программах Горьковского телевидения (сколько юных горьковчан с нетерпением ждали каждой передачи «У Микешки ровно в семь»), чтение Пушкина... Неустанная работа актера — это как живое дыхание роли, это один из уроков юности, которому артист верен всегда.

Отсчет моих тюзовским впечатлениям начал именно А. Палеес. В спектакле по пьесе Гольдони «Слуга двух господ» он играл слугу Труффальдино. На сцене появлялась маленькая худенькая фигурка с пупком-собачкой в руках, и на-

это был знакомый нам А. Палеес: с вихревыми токами темперамента, с растапывающей наши сердца комичностью его героев, их светлым и добрым восприятием жизни. И даже когда артист играл несколько другие по складу роли (а их было много и очень интересных), он оставался верен себе. Умел в этих случаях создать лирический образ, но с совершенно четким рисунком роли, где все дружинно-собрано, четко, где ничего случайного — в жесте, пластике, слове.

Художественное мировоззрение артиста, внутренняя наполняемость с годами становились глубже, серьезнее. Так рождался Пушкин. Многие годы артист жил этим образом: съемки в кино, чтение стихов, раздумья над судьбой поэта. И вот спектакль «Бал» в ТЮЗе — последние недели, дни, часы в жизни Александра Сергеевича. Усталое лицо, размягченная походка, интонации в голосе буднично-разговорные. Поначалу казалось, что А. Палеес взял совсем не тот тон, не хотелось соглашаться с артистом, ведь Пушкин — он... Здесь каждый из нас мог бы говорить много. Но были в спектакле те мгновения, когда зрители почти единодушно, оставив все свои сомнения, шли за артистом. Пушкин оставался один на один со своими стихами. Все предыдущее у Пушкина — Палееса как бы ожи-

сера Тоби, и смешное карабкание Мальволио на водруженный в центре сцены пьедестал. Но вызывает все это уже не добродушный смех. Здесь артист добивается острой сатиричности. Мальволио, выступающий против веселых обитателей страны Иллирии, вырастает до фигуры обобщенной, гротескной, глухой ко всякой человечности.

В нелепом господине Жур-

ко в начале спектакля минутами еще одухотворенный чем-то: вдруг пустится Чебутыкин в пляс или незаметно для себя растворится в уюте, любви дома, где живут сестры, хоть ненадолго отогреется застывшая его душа. Но постепенно уходит из дома, его атмосферы, и мертвеет Чебутыкин. Законченный жест — вот он сидит, прямо перед собой держит газету, отсутствующее лицо,

потому, что она в некотором смысле отличается: дальше развивается талант, появляются новые краски, разнообразнее становится актерская техника. Но именно потому, что эта роль напоминает о вечном движении. Народный артист республики А. Р. Палеес полон сил, творческой энергии, и значит, впереди новые работы и открытия.

А. ШИНКАРЕВ.